УДК 81’37 ; 81’42 ; 81’367.7

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ «САМОЛЕЧЕНИЕ» В МЕДИАДИСКУРСЕ

Е.В. Осетрова (Красноярск, Россия)
Е.Ю. Костенко (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Самолечение является особым феноменом комплексной социально-физической природы, к которому профессиональное медицинское сообщество относится по преимуществу отрицательно. Медийные субъекты, воспринимая и трансформируя эту точку зрения, становятся авторами многочисленных публикаций, предостерегающих от самостоятельного лечения либо, напротив, пропагандирующих так называемое «ответственное самолечение». Лингвистов данный объект может привлекать в плане семантической реконструкции его аналога – одного из специфических фрагментов языковой картины мира. Анализ соответствующего материала позволяет обнаружить систему взаимосвязанных элементов, категорий и оценок, оформляющих данный фрагмент как развернутую многоуровневую модель.

Цель настоящего исследования – выявить способы языковой репрезентации ситуации «Самолечение» в русскоязычном медийном дискурсе, сосредоточив внимание на составе ее пропозиций, их типовом и сферном распределении.

Методология и методы исследования. В качестве основного аналитического подхода выбран семантический, а именно метод семантико-синтаксического анализа высказывания и текста, в качестве *научной базы* – исследования по семантическому синтаксису, авторы которых разрабатывают теорию пропозиций.

Результаты исследования. Определено, что в случаях описания данной ситуации на событийном уровне как процесса физической и/или социальной природы доминируют пропозиции действия. При этом в границах пропозиций физического действия самолечение детализируется за счет введения ряда внутрипропозитивных элементов (актантов адресатного типа – «ущемленного» бенефициента и «заинтересованного» бенефициента, актантов субъектного типа – «безответственного» агенса / «ответственного» агенса, актантов объектного типа – объектива и результатива, актанта инструментального типа – средства, сирконстанта пространственного типа – локатива); в пропозициях социального действия та же ситуация представлена обобщенно и не детализирована. Анализ исследуемого объекта на логическом уровне его языковой организации позволил выделить, помимо «самолечения», этапы «информирования», «результата», а также два типа связующих их моделей: «самолечение < > отрицательный результат» (физическая сфера); «полезное информирование > предупреждение самолечения» (социальная сфера). Они объединяются в единое событийное целое посредством пропозиций каузации.

Заключение. В русскоязычном медиадискурсе самолечение представлено как специфический фрагмент языковой картины мира, соотнесенный с социальной/физической сферами, имеющий процессную природу, сложную семантическую структуру и привлекающий к своему оформлению широкий ряд событийных и логических пропозиций.

Ключевые слова: *самолечение, медиадискурс, синтаксис, семантика, событийная пропозиция, логическая пропозиция, предикат, субъект, объект.*

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2894-2254; Scopus Author ID: 76652; e-mail: osetrova@yandex.ru
Костенко Екатерина Юрьевна – ассистент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); ORCID: https://orcid.org/0009-0005-7577-9244; e-mail: slntelk@mail.ru

Постановка проблемы. Самолечение является феноменом комплексной социально-физической природы, одной из знакомых и освоенных практик бытового поведения, к которой профессиональное медицинское сообщество относится по преимуществу отрицательно, а иногда и резко критично. Медийные субъекты, воспринимая и трансформируя эту точку зрения, становятся авторами многочисленных публикаций, предостерегающих

от самостоятельного лечения либо, напротив, пропагандирующих так называемое «ответственное самолечение». Лингвистов данный *объект* может привлекать в плане семантической реконструкции его аналога – осмысленного как специфический фрагмент языковой картины мира. Анализ соответствующего материала позволяет обнаружить систему взаимосвязанных элементов, категорий и оценок, преобразующих данный фрагмент в развернутую многоуровневую модель.

С учетом сказанного *цель* настоящего исследования – выявить способы языковой репрезентации ситуации «Самолечение» в русскоязычном медийном дискурсе, сосредоточив внимание на составе ее пропозиций, их типовом и сферном распределении.

Методология (материалы и методы). Материалом анализа стали тексты новостных и информационно-аналитических статей, с 2018 по 2026 г., опубликованных на сайтах российских («Аргументы и факты», «Известия», «Комсомольская правда», «Время Н», «Новости GxP», «Приморье24», «360°», «78.ru», «47channel», «istokirb.ru», «Lenta.ru», «NEWS.ru») и белорусских («ONT.BY») СМИ, а также на сайтах ряда корпоративных информационных ресурсов («Портал российского врача», «Docsfera», «Ротана» (royana-rf.ru)) и сетевых изданий («myweekend.ru»), предметно связанных со сферой здравоохранения и медицинской проблематикой; на этой основе проанализировано около 500 текстовых фрагментов различного объема.

В качестве основного аналитического подхода выбран семантический подход, а именно метод семантико-синтаксического анализа, широко применяемый в исследованиях содержательной организации высказывания и текста.

Обзор научной литературы. Главным инструментом в таком случае становится пропозиция как «языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации» [Шмелева, 1994, с. 8] – тезис, глубоко разработанный в авторитетных лингвистических работах. Поскольку основные усилия направлены здесь на выявление состава пропозиций, моделирующих ситуацию «Самолечения», разберем его более подробно.

Прежде всего сошлемся на монографию «Предложение и его смысл» Н.Д. Арутюновой, которая способствовала введению в широкий научный контекст самого понятия пропозиции, определив его как семантическую структуру, объединяющую денотативное и сигнификативное значение объективного содержания высказывания, а также рассмотрела несколько типовых вариантов пропозиций [Арутюнова, 2013, с. 37]. Свое развитие теория пропозиции получила в трудах В.Г. Гака, разобравшего ее структуру и способы репрезентации [Гак, 1973], Е.В. Падучевой, описавшей статус и функционал этого языкового элемента [Падучева, 2009], М.В. Всеволодовой, предложившей трактовку пропозиции как базовой части семантики предложения, позволяющей различать типы описываемых ситуаций [Всеволодова, 2000], Г.А. Золотовой, характеризовавшей пропозицию как единицу диктума – содержательной основы сообщения [Золотова, 1982], и др. отечественных лингвистов.

Что касается систематизации пропозиций, то, как было указано выше, в арсенале лингвистического знания имеется ряд признанных типологий. Принципиальным будет разделение их на логические пропозиции, которые фиксируют итоги различных интеллектуальных операций, совершаемых носителем языка при установлении отношений между процессами, событиями, предметами и их свойствами, и событийные пропозиции, которые, портретируя действительность, позволяют более или менее подробно описать само событие, вообще всякое положение дел [Шмелева, 1994]. В свою очередь, событийные пропозиции классифицированы по двум основаниям – специфической природе отражаемых ими процессов (существование, состояние, движение, действие, восприятие) и семантическим сферам (социальная, ментальная, психическая, физическая) [Шмелева, 1994].

В настоящем исследовании мы опираемся на апробированное представление об общей трехуровневой модели событийной пропозиции.

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

Собственно пропозитивный ее уровень (слой) обязателен и присутствует при описании всякой ситуации, в границах предложения базируясь на предикате и предикативной группе; внутрипропозитивный уровень более или менее детально представлен за счет детализации семантической структуры: имеются в виду актанты как элементы ролевой природы, «участники» языковой ситуации, сирконстанты – ее обстоятельства – и квалификативы; припропозитивный слой диктума обнаруживает себя в высказывании факультативно, в случае если необходимо уточнить описание за счет введения смыслов фазисности, интенсивности, квантитативности и негации. Важным свойством пропозиции является широкий потенциал воплощений с использованием не только самого широкого спектра языковых форм – от предикативной и полупредикативной конструкции до словосочетания и отдельной лексемы, – но и имплицитных реализаций [Шмелева, 1994, с. 8–9].

В методической основе предпринятого анализа лежит именно данная система.

Хотя в некоторых современных зарубежных исследованиях пропозиция используется для разграничивая содержательно-событийной и конструктивной частей высказывания [Lenci, Pado, 2021], в большинстве рассмотренных работ, посвященных языковой семантике, авторы отходят от терминологического аппарата семантического синтаксиса, предпочитая ему методологию когнитивной лингвистики с ее сосредоточением на инструментальном ряду «концепта», «фрейма», «домена», «ментального пространства» и под., которые помогают выстраивать как общие [Croft, 2021], так и частные [Champollion, Bernard, 2023; Kou, Hohenstein, 2024; Gärdenfors, Paradis, 2025] теоретические модели. Это подтверждает развитие определенной тенденции в практике семантического анализа, состоящей в замещении пропозиции на коррелирующие понятия (либо, по крайней мере, в уточнении ее содержания), отмеченной ранее в итогах анализа отечественных источников; ср. с вышеперечисленным: «схема», «сценарий», «слот», «скрипт», «гештальт» [Осетрова, 2012, с. 40].

В последние годы в лингвистике активно развивается направление, связанное с изучением медицинского дискурса как особой сферы коммуникации. Рассматриваются специфика функционирования медицинских терминов в профессиональном дискурсе [Маджаева, 2015] либо когнитивные стратегии перевода медицинской терминологии на другие языки [Цзюй Юньшэн, 2025]. Исследуются особенности устного медицинского взаимодействия в режиме «специалист – неспециалист» [Вепрева, Полякова, Шалина, 2024].

Отдельное внимание уделяется предметно ориентированным участкам медицинского дискурса, к примеру, оценочному наполнению и семантическим категориям («Диагноз», «Исследование», «Вмешательство»), определяющим структуру сетевых текстов в период пандемии COVID-19 [Овчинникова, Ермакова, Нурбакова, 2022], или – в развитие темы – случаям пропагандистского целеполагания в социальных медиа, например в постах про пандемию [Li, Zhang, 2023]; лингвопрагматической составляющей публикаций о здоровом образе жизни [Анисимова, Финк, 2020], а также тематическому сегменту, определенному практикой самолечения и самостоятельных решений о поддержании здоровья [Костенко, 2025]. Последний содержательный блок представляет особый интерес для авторов статьи.

Результаты исследования. Проведенный анализ доказывает, что семантическое представление языковой ситуации «Самолечение» соотнесено с двумя содержательными сферами – физической и социальной.

Физическая сфера. В случаях когда данная ситуация описана в пространстве физической сферы, доминирующими оказываются семантические модели действия; например: ***Обезболивание*** *[при самолечении] способно замаскировать серьезную* ***патологию****, например, аппендицит, воспаление, урологические и гинекологические проблемы* (Lenta.ru, 08.02.2026). В данном случае представлена структура, которую образуют аналитически оформленный предикат (*способно замаскировать*) и две актантные

позиции: средство воздействия (*обезболивание*) и объект воздействия, или объектив, здесь мультиплицированный (*патология… аппендицит, воспаление… проблемы*). Каждая из этих позиций, как видно, замещена существительными с семантикой процесса, то есть, по сути, представляет свернутые пропозиции.

В другом примере как базовая использована та же структура, соответствующая формуле 'что? + *лечится / проходит / облегчается / заглушается / маскируется* + чем? с помощью чего?'; а именно: объектив (*симптомы*), предикат с семантикой купирования симптомов, оформленный причастием (*заглушать > заглушающих*), средство воздействия (*анальгетики, средства*); см. пример: *[По словам Метелиной, первая ошибка – это] самолечение* ***боли*** *в животе* ***с помощью анальгетиков*** *и любых* ***средств, заглушающих симптомы*** (Lenta.ru, 08.02.2026). Разница состоит в ее (структуры) усложнении: во-первых, обобщается и одновременно дублируется сама пропозиция – за счет ключевого номинатива-маркера ситуации и объектива неопределенной семантики – *самолечение боли*; во-вторых, вводится сирконстант-локатив (*в животе*), в-третьих, монопредикативная конструкция трансформируется в полипредикативную через введение причастного оборота.

В текстах, в которых описаны конкретные случаи самолечения, также отмечено преобладание событийных пропозиций. Если в предыдущей группе примеров акцент сделан на идее инструментальности, то есть на том, посредством чего проводится самолечение, то здесь доминирует семантика результативности. Поэтому структура подобных описаний разделяется на два событийных момента:

– этап собственно самолечения, выраженный номинативами *самолечение, лечение*, иногда в составе аналитических словосочетаний *заниматься самолечением, проводить / организовать / испытать на себе самолечение* и под.;

– этап результата, репрезентируемый не только через пропозиции действия (*погибнуть, вылечиться*), но и движения (*довести до…, попасть в/на…*), и состояния (*впасть в…*). Последние используются для фиксации результатов и свойств самолечения.

Поскольку этапы самолечения и его результата осмыслены как взаимосвязанные, к описанию ситуации на уровне высказывания подключаются логические пропозиции релятивного типа, которые распределены далее с учетом характера устанавливаемых между этапами отношений. Наиболее очевидны **каузативные** отношения, конкретизируемые через пропозиции:

– причины (предлог *из-за*): *В Краснодарском крае местный житель скончался* (результат) || ***из-за*** *самолечения антибиотиками* (самолечение) (360°, 24.11.2024)*; В Бурятии предстала перед судом женщина, которая без обращения к врачу принялась лечить дочь медикаментами* (самолечение), || ***из-за*** *этого ребенок скончался* (результат)*; В Мордовии младенец попал в больницу* (результат) || ***из-за*** *лечения картошкой в домашних условиях* (самолечение) (Lenta.ru, 08.02.2024); *В Москве* ***из-за*** *отказа родителей от госпитализации* (самолечение) || *умерла годовалая девочка, сообщает Телеграм-канал Shot* (результат) (ONT.BY, 22.12.2024);

– следствия, которые могут быть выражены с помощью предлогов (*в результате, до*), союзных средств (*в результате чего*), номинатива в функции обстоятельства (*в итоге*); ср.: *Жительница Арзамаса скончалась* (результат) || ***в результате*** *неправильного самолечения* (самолечение) (Время Н, 31.10.2024); *Мать самолечением* (самолечение) || ***довела*** *15-летнего сына* ***до*** *комы и смерти в Петербурге* (результат) (78.ru, 27.04.2024); ***До*** *отека Квинке* ***довела*** *себя 17-летняя тюменка* (результат)*, || занимаясь самолечением* (самолечение) (Lenta.ru, 04.03.2019); *Установлено, что женщина неоднократно отказывалась от стационарного лечения трехмесячной дочери и в течение месяца занималась ее самолечением* (самолечение)*, ||* ***в результате чего*** *от двухсторонней пневмонии по неосторожности наступила ее смерть* (результат) (Приморье24, 23.08.2024)*; В Петербурге родители пытались самостоятельно вылечить шестилетнего ребенка, который болел невралгией* (самолечение).

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

|| *Однако мальчик стал задыхаться и* ***в итоге*** *скончался* (результат) (Аргументы и факты, 16.02.2025).

Деструктивный результат произведенных действий показан как распространенный либо на главного участника субъектного типа (*местный житель, жительница Арзамаса, 17-летняя тюменка*), который прибегает к самолечению и одновременно, выступая объектом, испытывает его последствия (*скончался/ась, довела до отека Квинке*); либо на так называемого «ущемленного» бенефициента (*ребенок, младенец, сын, дочь, девочка)*, на которого направлено разрушительное действие со стороны «безответственного» агенса (*мать, женщина, родители*) и который в итоге оказывается пострадавшим (*скончался, попал в больницу, умерла, наступила смерть*).

Описание ситуации самолечения здесь, как видно, базируется на моно- либо полипредикативных конструктах: в границах 1) одной предикативной единицы (*скончалась; довела*); 2) двух взаимосвязанных предикативных конструкций (*отказывалась… наступила смерть; довела… занимаясь*; 3) нескольких предикативных единиц, где этапы самолечения и его результата не маркированы служебной лексикой, а объединяющее их логическое отношение следствия сформировано содержанием самих пропозиций и фоновыми представлениями о типичной связи подобных событий (*пытались вылечить… стал задыхаться / скончался*), а также поддержано номинативом *в итоге* с семантикой результата.

Особым случаем в границах моделируемых отношений следствия следует признать его репрезентацию через глагол *обернуться* в позиции предиката: *Самолечение* ||***обернулось*** *трагедией в Мухоршибирском районе Бурятии* (результат). ||*Маленькая* ***девочка погибла*** *в муках, а ее* ***мать попала*** *на скамью подсудимых* (конкретизация результата) (Lenta.ru, 24.02.2025). Данный глагол с семантикой преобразования развивает контекстное значение полученного результата с существенным оценочным компонентом (*самолечение > трагедия*), который детализируется в следующем высказывании (*девочка погибла, мать попала на скамью подсудимых*).

Не менее частотны случаи с экспликацией логических отношений **временной соотнесенности** и их пропозитивных вариантов – следования и одновременности; ср.:

– *Ребенок скончался накануне* (результат) || ***после*** *домашнего лечения* (самолечение) (47channel, 01.05.2024); *Ранее в Бурятии женщина впала в кому* (результат) || *из-за ваты в ухе* ***после*** *самолечения* (самолечение) (Lenta.ru, 27.04.2024); *Петербурженка пыталась вылечить ребенка дома* (самолечение), ||*и* ***после*** *такого лечения врачи не успели спасти подростка* (результат) (Аргуметы и факты, 27.04.2024); *В поселке Балахта Красноярского края мать сама лечила своего годовалого ребенка и отказалась от госпитализации,* (самолечение) || ***после*** *чего малыш скончался* (результат) (Известия, 29.09.2023) – следование (предлог *после*).

– *[Врач объяснил, что]* ***пока*** *человек занимается самолечением и не обращается к врачу,* (самолечение) || *болезнь прогрессирует* (результат) (Lenta.ru, 15.02.2024); *И* ***пока*** *человек занимается самолечением, он не идет к врачу,* (самолечение) || *а в результате болезнь развивается, нередко до неизлечимой стадии* (результат) (Истоки, 09.07.2024) – одновременность (союз *пока*).

Наконец, для оформления обозначенных отношений может быть использована элементарная пропозиция **соединения** (союз *и*) в тех случаях, когда само содержание высказывания ясно свидетельствует о причинно-следственной связи, имеющейся между описываемыми событиями: *Ростовская пенсионерка* ***пыталась справиться*** *с «отравлением»* (самолечение) || ***и*** *чуть было не погибла от заражения крови* (результат) (Комсомольская правда, 24.02.2025*)*; *Отец из тверской области* ***занимался самолечением*** (самолечение) || ***и*** *погубил свою маленькую дочь* (результат) (weekend, 30.11.2023); *Врач* ***вколол лидокаин*** *[себе] из-за боли в зубе* (самолечение) ||***и*** *чуть не умер* (результат) (NEWS.ru, 30.01.2026). *[Врачи привели еще один пример, когда самолечение чуть не закончилось трагически.] Жительница области* ***регулярно пила уксус,*** *чтобы похудеть* (самолечение) || ***и*** *повредила горло, пищевод и желудок* (результат) (Аргументы и факты, 31.08.2024).

Таким образом, для ситуации самолечения, описанной в пространстве физической сферы, характерным признаком становится появление в ее семантической структуре этапа «отрицательный результат» (*довести до отека, попасть в больницу, попасть на скамью подсудимых, впасть в кому, погибнуть* и под.). Он детализируется за счет введения ряда внутрипропозитивных элементов: «ущемленного» бенефициента, получающего ущерб в результате осуществления ситуации (*младенец, ребенок, девочка, женщина, мать, пенсионерка, тюменка*), «безответственного» агенса, производящего самолечение (*мать, отец, родители*), актанта инструментального типа – средства (*картошка, вата*), прямо или косвенно оформленного локатива (*в Бурятии, в Мордовии, в Мухоршибирском районе Бурятии; ростовская (пенсионерка)*).

Социальная сфера. В границах социальной сферы, где самолечение подано как выделенный общественный феномен, используется целый набор пропозиций, в числе которых отметим бытийную пропозицию, фиксирующую существование некоего процесса: *Самолечение **будет всегда,** как бы с ним ни боролись врачи* (GXPnews, 22.06.2023). Как видно, бытийный предикат в высказывании распространен наречной формой с темпоральной семантикой, что акцентирует внимание на устойчивости явления.

В текстах, в которых самолечение интерпретировано в социальном аспекте, событийные пропозиции остаются основой диктума. В данном случае с их помощью на первый план выдвинута идея влияния самолечения на общество и, как следствие, его реакции на эту проблему и попытки ее решения; см. примеры: *Наша задача – **вывести** самые популярные **интернет-запросы** в публичное поле, и **дать** по ним максимально полезную **информацию** от экспертов* (информирование). || *Это поможет уберечь подростков от самолечения и непроверенной информации в сети* (Lenta.ru, 02.10.2025); *Фармацевтов нужно обязать **проводить консультации,** а пациентов – **требовать** у врачей **рецепты*** (информирование). || *Это может помочь [разгрузить первичное звено здравоохранения и] повысить **приверженность** населения к **ответственному** самолечению* (GXPnews, 20.09.2023); ***Просвещение** и **образование*** (информирование) || *позволят не только повысить **популярность** самолечения, но и избежать связанных с ним ошибок* (Docsfera, 07.09.2023).

Как видно, событийная структура подобных описаний представлена разделенной на две составляющие:

– этап информирования, репрезентируемый через пропозиции действия, выраженные номинативами (*просвещение, образование*), а чаще глаголами (*информировать, консультировать, публиковать, рассказывать* и под.) и глагольными аналитическими конструкциями (*давать информацию, проводить консультации, выводить интернет-запросы* и под.), в ряде случаев – с семантикой инициативной коммуникации (*требовать рецепты*);

– этап самолечения, выраженный именем существительным *самолечение* как ключевым маркером рассматриваемой ситуации.

Этапы «самолечение» и «информирование» о нем и его проблематике описаны как некое единство, поэтому для детализации их взаимосвязи используются логические пропозиции **каузативного** типа.

Содержание пропозиции каузации уточняется здесь через предикативные словосочетания со значением превентивности, то есть опережающего действия по отношению к какому-либо процессу/ситуации; ср.: *поможет уберечь, позволит избежать, может помочь;* и *позволит повысить*. При этом в зависимости от того, отрицательно или положительно/нейтрально автор публикации квалифицирует самолечение, предупреждающее действие осмыслено как предохраняющее от возникновения данного положения дел либо, напротив, как способствующее его развитию; на это работает квалификативная и номинативная лексика с оценочным компонентом в значении; ср: ***непроверенная** информация, **ошибки** (связанные с самолечением),* то есть «–»; и ***приверженность** населения к **ответственному** (самолечению), **популярность** (самолечения),* то есть «+».

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

Общим для подобных контекстов, кроме оценочного компонента, является их детализация за счет введения ряда внутрипропозитивных элементов: локатива (*публичное поле, сеть*); результатива (*рецепты, ошибки*) бенефициента, получающего выгоду в результате информирования (*население, пациенты, подростки*); наконец, агенса с дополнительной характеристикой «ответственного» агенса как носителя профессиональной информации (*эксперты, врачи, специалисты, фармацевты* и под.).

Самолечение как фрагмент социальной сферы можно квалифицировать и в тех случаях, когда оно занимает в медиатексте позицию объекта интеллектуально-волевого действия, реализация которого влечет последствия организационного толка: имеется в виду сочетание лексемы *самолечение* с предикатами *принимать решение, предпочитать, выбирать* и под.: *[Согласно представленным данным, лишь 17,4 % родителей никогда не практиковали самолечение в отношении своих детей. Это означает, что] подавляющее большинство – свыше 82 % – так или иначе самостоятельно* ***принимали решения*** *о терапевтических мерах (самолечении) без предварительной консультации с квалифицированным специалистом* (Ротана, 25.04.2026)*; Почти 90 % россиян* ***предпочитают самолечение*** *и откладывают визит к врачу, причем каждый пятый ждет критического состояния* (Портал российского врача, 27.11.2025). Дополнительным сферным маркером становятся цифровые показатели, характеризующие группового субъекта действия по количественному параметру *(82 % родителей, 90 % россиян).*

Заключение. Итак, в русскоязычном медиадискурсе самолечение представлено как специфический фрагмент языковой картины мира, соотнесенный с социальной/физической сферами, имеющий процессную природу и комплексную событийно-логическую структуру.

Анализ исследуемого объекта на логическом уровне позволил выделить, помимо собственно «самолечения», этапы «информирования», «результата», а также два типа связующих их моделей:

– «самолечение < > отрицательный результат» (физическая сфера);

– «полезное информирование > предупреждение самолечения» (социальная сфера).

Эти модели оформляются за счет логических пропозиций соединения, следования и доминирующих в данном случае пропозиций каузации (причины, следствия, превентивности), которые помогают воспринимать фрагмент как единое событийное целое.

На событийном уровне самолечение описывается как языковая ситуация, основу которой могут составлять пропозиции существования, состояния, движения или действия. Если в пределах социальной сферы самолечение представлено обобщенно и не детализировано, то в границах пропозиций физического действия ситуация детализируется за счет введения ряда внутрипропозитивных элементов: актантов адресатного типа – «ущемленного» бенефициента и «заинтересованного» бенефициента, актантов субъектного типа – «безответственного» агенса / «ответственного» агенса, актантов объектного типа – объектива и результатива, актанта инструментального типа – средства, сирконстанта пространственного типа – локатива.

Такая детализация соотносится с жанровыми признаками новости, ориентированной на конкретизацию описываемого события и на формирование достоверности публикуемой информации.

Библиографический список

1. Анисимова Е.Е., Финк Т.Е. Лингвопрагматический аспект публицистического дискурса о здоровом образе жизни (на примере немецкоязычных журналов «Women's Health» и «Stern. Gesundleben») // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 87–98. URL: http://linguistics-communication-msu.ru/articles/article/8620/ (дата обращения: 17.06.2026).

2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: URRS: Либроком, 2013. 382 с.
3. Вепрева И.Т., Полякова И.Г., Шалина И.В. Откровенный разговор в устном дискурсе репродуктивной медицины: особенности профессионального преломления // Жанры речи. 2024. Т. 19, вып. 1 (41). С. 38–46. DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-38-46
4. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000. 502 с.
5. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики: сб. науч. тр. М.: Наука, 1973. С. 349–372.
6. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
7. Костенко Е.Ю. «Самолечение» как языковая ситуация в российских медиатекстах // Медиалингвистика. Вып. 12: Язык в координатах массмедиа: матер. IX Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева. СПб.: Медиапапир, 2025. С. 461–464. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samolechenie-kak-yazykovaya-situatsiya-v-rossiyskih-mediatekstah (дата обращения: 17.06.2026).
8. Маджаева С.И. Специфика медицинских терминов в медицинском дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. Т. 1, № 3. С. 27–32. DOI: 10.18413/2313-8912-2015-1-3-27-32
9. Овчинникова И.Г., Ермакова Л.М., Нурбакова Д.М. Сетевой медицинский дискурс во время пандемии COVID-19: семантические категории и сентимент-анализ // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8, № 1. С. 57–78. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-4
10. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 275 с.
11. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: матер. к трансформационной грамматике русского языка. М.: URSS, 2009. 293 с.
12. Цзюй Юньшэн. Когнитивные стратегии перевода русской медицинской терминологии на китайский язык: механизмы словообразования, терминологизации, аббревиации и метафоризации // Вестник Московского университета. 2025. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 28, № 3. С. 96–119. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-6
13. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1994. 47 с.
14. Champollion, L., & Bernard, T. (2023). Negative events and compositional semantics. *Journal of Semantics*, *40* (4), 585–620. DOI: https://doi.org/10.1093/jos/ffad018
15. Croft, W. (2021). Cognitive linguistics. In X. Wen & J. R. Taylor (Eds.), *The Routledge handbook of cognitive linguistics* (pp. 45–62). Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9781351034708-5
16. Gärdenfors, P., & Paradis, C. (2025). Metonymisation: Three levels of refocusing. *Cognitive Semantics, 11* (1), 1–27.
17. Kou, X., & Hohenstein, J. (2024). Manner, result, and intention: Implications for event typology from a cognitive account of verb semantics based on fulfilment types. *Language and Cognition, 16* (4), 1577–1611. DOI: https://doi.org/10.1017/langcog.2024.30
18. Lenci, A., & Padó, S. (2021). The role of event semantics in language processing. In X. Wen & J.R. Taylor (Eds.), *The Routledge handbook of cognitive linguistics* (pp. 230–245). Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9781351034708-16
19. Li, X., & Zhang, Y. (2023). Propaganda detection in social media based on event ontology and event semantics. *Applied Sciences, 13* (11), Article 6595. DOI: https://doi.org/10.3390/app13116595

ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

MODELLING THE LANGUAGE SITUATION OF 'SELF-MEDICATION' IN MEDIA DISCOURSE

E.V. Osetrova (Krasnoyarsk, Russia)
E.Yu. Kostenko (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Self-medication is a specific phenomenon of a complex socio-physical nature, to which the professional medical community generally holds a negative attitude. Media actors, by perceiving and transforming this point of view, become the authors of numerous publications that warn against self-medication or, conversely, promote the so-called 'responsible self-medication'. Linguists may be interested in this phenomenon from the perspective of semantic reconstruction of its analogue – one of the specific fragments of the linguistic picture of the world. An analysis of the relevant material makes it possible to identify a system of interrelated elements, categories, and assessments that shape this fragment as a comprehensive multi-level model.

The purpose of the article is to identify the linguistic representations of the 'self-medication' situation in Russian-language media discourse, focusing on the composition of its propositions, their typical and spherical distribution.

Methodology (materials and methods). The semantic approach was chosen as the main analytical method, specifically the method of semantic-syntactic analysis of utterances and texts; the scientific foundation consists of studies on semantic syntax, the authors of which are developing the theory of propositions.

Research results. It has been determined that in cases where this situation is described at the event level as a process of a physical and/or social nature, action propositions dominate. At the same time, within the boundaries of propositions of physical action, self-medication is specified through the introduction of a number of intra-propositional elements (address-type actants – the 'disadvantaged' beneficiary and the 'interested' beneficiary; subject-type actants – the 'irresponsible' agent / the 'responsible' agent; object-type actants – the object and the resultative; instrument-type actant – the means; spatial-type circumstantial element – the locative); in propositions of social action, the same situation is presented in a generalized form and is not specified in detail. An analysis of the object under study at the logical level of its linguistic organization made it possible to identify, in addition to 'self-medication' itself, the stages of 'information' and 'outcome', as well as two types of models connecting them: 'self-medication < > negative outcome' (physical sphere); 'useful information > prevention of self-medication' (social sphere). They are united into a single eventual whole through causation propositions.

Conclusion. In Russian-language media discourse, self-medication is presented as a specific fragment of the linguistic picture of the world, correlated with the social/physical spheres, possessing a processual nature, a complex semantic structure, and drawing on a wide range of event-based and logical propositions for its design.

Keywords: *self-medication, media discourse, syntax, semantics, event-based proposition, logical proposition, predicate, subject, object.*

Osetrova, Elena V. – DSc (Philology), Professor, Department of Modern Russian Language and Methodology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2894-2254; Scopus Author ID: 76652; e-mail: osetrova@yandex.ru
Kostenko, Ekaterina Yu. – Teaching Assistant, Department of Public Relations, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: https://orcid.org/0009-0005-7577-9244; e-mail: slntelk@mail.ru

References

1. Anisimova, E.E., & Fink, T.E. (2020). Linguopragmatic aspect of publicistic discourse about a healthy lifestyle (on the example of German-language magazines "Women's Health" and "Stern. Gesundleben"). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], *4*, 87–98. URL: http://linguistics-communication-msu.ru/articles/article/8620/ (access date: 17.06.2026).
2. Arutyunova, N.D. (2013). *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its meaning: Logical-semantic problems]. Moscow, Russia.
3. Vepreva, I.T., Polyakova, I.G., & Shalina, I.V. (2024). Candid conversation in oral discourse of reproductive medicine: Features of professional refraction. *Zhanry rechi* [Speech Genres], *19* (1), 38–46. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-38-46

4. Vsevolodova, M.V. (2000). *Teoriya funktsionalno-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka* [Theory of functional-communicative syntax: A fragment of an applied (pedagogical) model of language]. Moscow, Russia.
5. Gak, V.G. (1973). Utterance and situation. In *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics] (pp. 349–372). Moscow, Russia.
6. Zolotova, G.A. (1982). *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, Russia.
7. Kostenko, E.Yu. (2025, June 25–28). 'Self-medication' as a linguistic situation in Russian media texts. In L.R. Duskaeva (Ed.), *Media linguistics. Issue 12. Language in the coordinates of mass media* (pp. 461–464). 9th International Scientific Conference, St. Petersburg, Russia. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samolechenie-kak-yazykovaya-situatsiya-v-rossiyskih-mediatekstah
8. Madzhaeva, S.I. (2015). Specifics of medical terms in medical discourse. *Nauchnyi rezultat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* [Scientific Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics], *1* (3), 27–32. DOI: 10.18413 / 2313-8912-2015-1-3-27-32
9. Ovchinnikova, I.G., Ermakova, L.M., & Nurbakova, D.M. (2022). Network medical discourse during the COVID-19 pandemic: Semantic categories and sentiment analysis. *Nauchnyi rezultat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* [Scientific Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics], *8* (1), 57–78. DOI: https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-4
10. Osetrova, E.V. (2012). *Manifestatsiya fakta v russkom vyskazyvanii, ili Sobytie vyrazheniya* [Manifestation of fact in Russian utterance, or Event of expression]. Krasnoyarsk, Russia.
11. Paducheva, E.V. (2009). *O semantike sintaksisa: (Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka)* [On the semantics of syntax: (Materials for a transformational grammar of the Russian language)]. Moscow, Russia.
12. Tszyui, Yu. (2025). Cognitive strategies for translating Russian medical terminology into Chinese: Mechanisms of word formation, terminologization, abbreviation, and metaphorization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], *28* (3), 96–119. DOI: https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-6
13. Shmeleva, T.V. (1994). *Semanticheskiy sintaksis: Tekst lektsii iz kursa "Sovremennyi russkii yazyk"* [Semantic syntax: Lecture text from the course "Modern Russian language"]. Krasnoyarsk, Russia.
14. Champollion, L., & Bernard, T. (2023). Negative events and compositional semantics. *Journal of Semantics*, *40* (4), 585–620. DOI: https://doi.org/10.1093/jos/ffad018
15. Croft, W. (2021). Cognitive linguistics. In X. Wen & J. R. Taylor (Eds.), *The Routledge handbook of cognitive linguistics* (pp. 45–62). Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9781351034708-5
16. Gärdenfors, P., & Paradis, C. (2025). Metonymisation: Three levels of refocusing. *Cognitive Semantics, 11* (1), 1–27.
17. Kou, X., & Hohenstein, J. (2024). Manner, result, and intention: Implications for event typology from a cognitive account of verb semantics based on fulfilment types. *Language and Cognition, 16* (4), 1577–1611. DOI: https://doi.org/10.1017/langcog.2024.30
18. Lenci, A., & Padó, S. (2021). The role of event semantics in language processing. In X. Wen & J.R. Taylor (Eds.), *The Routledge handbook of cognitive linguistics* (pp. 230–245). Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9781351034708-16
19. Li, X., & Zhang, Y. (2023). Propaganda detection in social media based on event ontology and event semantics. *Applied Sciences, 13* (11), Article 6595. DOI: https://doi.org/10.3390/app13116595